

П.Л. Лавровский

**Записка о втором издании первой части
Исторической грамматики Ф.И.Буслаева**

**Приложение к 8 тому Записок имп. академии наук
№3**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.Л. Лавровский**
Записка о втором издании первой части Исторической грамматики Ф.И.Буслаева: Приложение к 8 тому Записок имп. академии наук №3 / П.Л. Лавровский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-6254-1

ISBN 978-5-4241-6254-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

что автору исторической грамматики гораздо пріятнѣе доводить свой трудъ, посредствомъ опредѣленныхъ указаній на недостатки, до степени возможнаго совершенства, чтобы сдѣлать его безукоризненнымъ пособіемъ на новомъ пути изученія языка отечественнаго. Руководясь этимъ соображеніемъ, мы рѣшаемся предположить, что появившіяся, вслѣдъ за выходомъ новаго изданія, рецензіи доставили слишкомъ мало удовольствія автору голыми похвалами, какъ нисколько не огорчили его и рѣзкими, но столь же голословными, порицаніями. По крайней мѣрѣ намъ желательнѣе думать, что панегирическая критика одного журнала и грозная филиппика другаго подействовали на г. Буслаева столь же мало, сколь ничтожна польза отъ нихъ самому дѣлу, интересамъ той науки, изслѣдованіямъ по которой посвятилъ свою дѣятельность г. Буслаевъ; пользы же дѣйствительно открыть нельзя, не смотря на объемистость такъ называемыхъ разборовъ, не смотря и на пышную рѣзкость или нѣжность высказанныхъ фразъ. А между тѣмъ, подмѣтить въ исторической грамматикѣ кое-что такое, чего бы не должно въ ней быть, при всѣхъ ея безспорныхъ достоинствахъ, есть и была возможность, какъ въ научномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніяхъ. Последнее условіе особенно, казалось бы, должно остановить на себѣ самый внимательный взоръ: книга г. Буслаева назначена не для легкаго чтенія и не для специалистовъ, а издана въ качествѣ пособія наставникамъ и руководства учащимся; при такомъ же назначеніи, каждая ошибка тѣмъ менѣе терпима, чѣмъ безпріятственнѣе усваивается она молодымъ умомъ и чѣмъ глубже проникаетъ въ него, по силѣ впечатлѣнія. И упомянутыя рецензіи принесли бы несравненно большую пользу, если бы, вмѣсто многихъ страницъ, переполненныхъ подборомъ ѣдкихъ или мягкихъ выраженій, коротко указали бы хотя на одну изъ подобныхъ ошибокъ. Но ничего такого нѣтъ въ нихъ, не появляется что-либо и въ другихъ мѣстахъ; грамматика же, какъ и слѣдуетъ ожидать и должно желать, ширится все больше и больше, и въ

воспитываемыхъ и образуемыхъ ею наставникахъ возбуждаетъ уже кое-какія недоразумѣнія, объяснить и отвратить которыя не всегда они въ состояніи. Это побуждаетъ меня заявить немногія свои замѣчанія, составленныя вскорѣ по выходѣ втораго изданія, въ надеждѣ, что не всѣ они останутся бесполезными для тѣхъ учителей, которые убѣдились въ важности историческаго изученія языка и осваиваются, подъ руководствомъ г. Буслаева, съ новымъ методомъ; быть можетъ, и самъ авторъ, при послѣдующихъ изданіяхъ, не желать которыхъ нельзя, воспользуется хотя нѣкоторыми изъ нихъ и пополнить или измѣнить кое-что въ превосходномъ своемъ трудѣ. На этотъ разъ ограничусь только первою частью, которая, по словамъ г. Буслаева, преимущественно подверглась передѣлкѣ въ новомъ изданіи.

Постараюсь держаться въ замѣчаніяхъ того же порядка, какому слѣдовалъ самъ авторъ въ первой части грамматики. Начну со звуковъ и прежде всего скажу нѣсколько словъ о терминологіи славянскихъ нарѣчій, употребленной г. Буслаевымъ.

На страницѣ седьмой, въ § 3, при обзорѣ нарѣчій языка славянскаго, мы встрѣчаемъ сопоставленіе нарѣчія церковно-славянскаго съ ново-болгарскимъ и выдѣленіе, какъ особаго нарѣчія, ново-словенскаго. Терминъ *ново-словенское нарѣчіе* повторяется и на стр. 22, 38, 180, 181, 183, 186, 205. Что подъ перомъ автора понятія *церковно-славянское* и *ново-болгарское нарѣчія* являются, по существу, синонимическими, различающимися только во времени, очевидно изъ замѣны термина *церковно-славянскій древне-болгарскимъ*, какъ на стр. 38, въ замѣчаніи о первоначальныхъ свойствахъ звука *ъ*. Что разумѣетъ авторъ подъ нарѣчіемъ ново-словенскимъ, видно изъ сопоставленія этого термина съ выраженіемъ *краинскій*, на стр. 181, 183, 186, 205. Между тѣмъ какъ послѣднее страдаетъ, по нашему мнѣнію, крайнею неточностью, первое поражаетъ въ подобной же мѣрѣ неполнотою и неопредѣленностью.

Дѣйствительно, синонимичность терминовъ *церковно-славянскій* и *древне-болгарскій* издавна усвоена въ ученой литературѣ; она принята и лучшими спеціалистами, какъ Шафарикомъ, Востоковымъ и др., и сдѣлалась, такъ сказать, ходячею истинною съ тѣхъ поръ, какъ первый изъ упомянутыхъ ученыхъ, въ безсмертномъ своемъ сочиненіи «Славянскія Древности», представилъ значительную массу доказательствъ древне-болгаризма церковно-славянскаго нарѣчія. Тѣмъ не менѣе, и въ понятіяхъ тѣхъ людей, которые съ полнымъ сознаніемъ отвергаютъ паннонизмъ, сербизмъ, моравизмъ или хорутанизмъ церковно-славянскаго нарѣчія, сопоставленіе его съ древне-болгарскимъ не можетъ не вызвать множества разнообразныхъ сомнѣній и вопросовъ; въ молодыхъ же головахъ учащихъ, да, вѣроятно, и въ большинствѣ преподавателей, сбивчивость представленій будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ противорѣчивѣе такому сопоставленію представятся указанія исторіи и этнографіи. Если же и тѣ и другіе примутъ опредѣленіе г. Буслаевымъ церковно-славянскаго нарѣчія на вѣру, безъ всякихъ справокъ къ исторіей и этнографіей, то едва ли можно быть увѣреннымъ въ вѣрности ихъ пониманія; всего скорѣе, напротивъ, они придадутъ термину *древне-болгарскій* смыслъ народный, а не государственный, что положительно уже будетъ ошибкой.

Въ самомъ дѣлѣ, и исторія и этнографія очертять Болгаръ народомъ не только не славянскимъ, но и вообще не арійскимъ: послѣдняя заставитъ искать происхожденія ихъ на отдаленномъ сѣверо-востоку Азіи, въ нераздѣльномъ родствѣ къ племенемъ турецко-татарскимъ; первая же приведетъ ихъ къ Дунаю и переправитъ на Балканъ только въ концѣ VII вѣка, и то не въ качествѣ народа, а въ видѣ полудикой, завоевательной орды. Она же засвидѣтельствуетъ и о медленномъ развитіи государства Болгаръ, вслѣдствіе необходимости упрочиться прежде всего на новой и чуждой территоріи: цѣлыхъ полтора вѣка Болгаре могли заниматься только отпоромъ силъ Византійцевъ, да набѣгами на ихъ владѣнія. А въ половинѣ IX вѣка церковно-

славянскій языкъ является уже въ письменности, со всѣмъ поразительнымъ богатствомъ лексическимъ, фонетическимъ и флексическимъ, при полной славянской чистотѣ и самобытности, безъ всякихъ несомнѣнныхъ слѣдовъ вліянія со стороны какого-либо азійскаго народа. Гдѣ же оправданіе синонимичности церковно-славянскаго и древне-болгарскаго? Допустить возможность смѣшенія, къ половинѣ IX столѣтія, Болгаръ съ Славянами задунайскими въ одинъ народъ, и образованіе, такимъ образомъ, одного языка, которымъ и воспользовались первоучители славянскіе для своихъ переводовъ Св. Писанія и книгъ богослужебныхъ, едва ли когда нибудь будетъ основательно и логично. Какъ ни остроумны нѣкоторыя доказательства дѣйствительности такого смѣшенія къ указанной порѣ, приведенныя Шафарикомъ въ его Древностяхъ, но эта дѣйствительность навсегда останется кажущеюся, мнимою, если противопоставить ей слѣдующія соображенія: а) время для окончанія процесса сліянія двухъ народностей въ одну, отъ конца VII до половины IX вѣка, въ высшей степени недостаточно; эта недостаточность усилится еще больше, когда сообразимъ неизбежную враждебность, хотя на первыхъ порахъ, между пришлыми чужеродцами и туземнымъ славянскимъ народонаселеніемъ, и завоевательный духъ Болгаръ, побуждавшій ихъ къ непрерывнымъ войнамъ и набѣгамъ на византійскую имперію: мирныхъ столкновеній и спокойнаго общежитія нельзя и предположить, а только при такомъ условіи возможна быстрота сліянія; б) положительныя свѣдѣнія прямо противорѣчатъ этому допущенію: самыя Древности Шафарика предлагаютъ обильную массу данныхъ, изъ которыхъ очевидна рознь народностей болгарской и славянской не только въ IX, но и въ X, даже въ XI столѣтіяхъ; такая рознь рѣзко бросается въ глаза и въ названіяхъ различныхъ предметовъ, особенно въ собственныхъ именахъ лицъ, и во многихъ обычаяхъ, и въ самомъ бытѣ; в) но ежели бы мы и согласились съ тѣмъ мнѣніемъ, которое принимаетъ совершившимся сліяніе ко вре-

мени проповѣднической дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія, то какъ объяснимъ неестественный результатъ сліянія? Очевидно, переворотъ въ языкѣ славянскомъ долженъ быть очень чувствительный, рѣзко замѣтный; смѣшиваются не два родственныя нарѣчія, а языки, совершенно чуждые другъ другу, различныя въ самыхъ основныхъ началахъ своего строя; о лексическомъ различіи, проходящемъ чрезъ весь составъ языка, уже и не говоримъ. А церковно-славянское нарѣчіе, въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности, какъ нарочно, представляетъ передъ нами во всей полнотѣ и богатствѣ, и правильности, и чистотѣ, и самобытности, въ превосходствѣ даже передъ остальными нарѣчіями славянскими, и кратковременно несталкивавшимися съ какой-либо азіатской ордой. Тутъ что-то не такъ, и увѣренности въ происхожденіе церковно-славянскаго нарѣчія изъ *смесившихся* уже народностей болгарской и славянской, а слѣдовательно и сопоставленію его съ древне-болгарскимъ, въ обыкновенномъ, народномъ смыслѣ, тѣмъ меньше можетъ быть мѣста, чѣмъ разительнѣе разстройство ново-болгарскаго нарѣчія, сравнительно съ другими славянскими; и если ранняя потеря склоненій, господство необычнаго у славянъ члена съ иными чуждыми свойствами въ послѣднемъ указываютъ скорѣе всего на переворотъ въ языкѣ именно въ силу дѣйствительно совершившагося смѣшенія чуждыхъ народностей, то языкъ церковно-славянскій своею безукоризненною чистотою способенъ только отрицать столь мутный источникъ своего происхожденія. Отсюда, смѣемъ думать, и сопоставленіе церковно-славянскаго нарѣчія г. Буслаевымъ съ древне-болгарскимъ не должно пониматься въ народномъ смыслѣ; а какъ языкъ, который съ дѣтства былъ усвоенъ славянскими первоучителями, который всего несомнѣннѣе послужилъ имъ и первымъ органомъ священнаго перевода, принадлежалъ славянамъ Солуни и окрестныхъ областей, въ большинствѣ вошедшихъ уже въ составъ царства болгарскаго, то и сопоставленіе подобное можетъ имѣть значеніе развѣ государствен-

ное: церковно-славянское нарѣчіе можетъ быть названо древне-болгарскимъ развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ книги чешскія входятъ въ составъ австрійской литературы, т. е. въ смыслѣ подданства славянъ царству болгарскому.

Эту-то мысль, въ трехъ-четырехъ словахъ, хотя въ примѣчаніи, не мѣшало бы включить г. Буслаеву для устранения сбивчивости и для упроченія правильнаго взгляда на происхождение церковно-славянскаго нарѣчія и на отношеніе его къ болгарскому; если же г. Буслаевъ думаетъ иначе и соглашается съ мнѣніемъ Шафарика 1837 года, то, по нашему убѣжденію, было бы справедливѣе вовсе удалить изъ учебника отождествленіе старо-слав. нарѣчія съ древне-болгарскимъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока г. Буслаеву не удастся предъявить въ литературѣ болѣе убѣдительныхъ и положительныхъ доказательствъ справедливости отождествленія, именно въ народномъ значеніи.

Еще болѣе неточности и шаткости рѣшаемся видѣть мы въ терминѣ *ново-словенскій*. Общее понятіе, подъ которое, какъ частныя, входятъ ново-словенскій и старо-словенскій, есть, конечно, *словенское* нарѣчіе. Не говоря уже о томъ, что подъ *словенскимъ* нарѣчіемъ понимается словацкое, и что г. Буслаевъ, сопоставляя новословенское съ краинскимъ, разумѣлъ, очевидно, *словинское*, обыкновенное называемое хорутанскимъ, читатель невольно придетъ къ недоразумѣнію на счетъ того, почему авторъ исторической грамматики выдѣлилъ хорутанское нарѣчіе изъ ряда всѣхъ остальныхъ: тогда какъ вродно нарѣчіе не удостоено разграниченія на старое или древнее и новое, нарѣчіе хорутанское всюду обозначается терминомъ *ново-словенское*. Или, быть можетъ, нарѣчіе хорутанское въ древнемъ своемъ видѣ предлагаетъ какое-либо особенное отношеніе къ ново-хорутанскому, выходящее изъ ряда общихъ отношеній древняго строя каждаго славянскаго нарѣчія къ новѣйшему? Сомнительно, чтобы г. Буслаевъ и на минуту остановился на такомъ предположеніи. Откуда же, однако, на какихъ основаніяхъ образовался у него подобный терминъ? Дога-

даться не трудно; стоитъ лишь обратить вниманіе на примѣры другихъ ученыхъ.

Какъ извѣстно, выраженіе *ново-словенскій*, въ примѣненіи къ нарѣчію хорутанскому, есть господствующее, даже исключительное въ трудахъ вѣнскаго ученаго, Миклошича. *Neuslovenische Sprache, neuslovenisches Dialekt* — вотъ обычные термины, которыми выдѣляетъ этотъ ученый родной свой говоръ, хорутанскій, изъ среды остальныхъ нарѣчій славянскихъ. Отсюда, безъ сомнѣнія, заимствовалъ его и нашъ уважаемый ученый. Къ удовольствію, однакоже, г. Буслаевъ остался непоследовательнымъ въ подражаніи Миклошичу, и тѣмъ уничтожилъ въ самой основѣ смыслъ, придаваемый послѣднимъ термину *ново-словенскій*.

Г. Буслаеву, разумѣется, не меньше нашего знакома научная система покойнаго Копитара, отождествлявшая церковно-славянское нарѣчіе съ древне-хорутанскимъ; знаетъ онъ, безъ сомнѣнія, и то, что система эта, по наслѣдству перешла къ г. Миклошичу, который длиннымъ рядомъ изслѣдованій старался постоянно доказать ея справедливость и разносторонними научными соображеніями убѣдить всѣхъ въ дѣйствительности хорутанскаго происхожденія церковно-славянскаго нарѣчія. Поэтому, г. Миклошичъ и вполне последователенъ, противопоставляя нынѣшнему хорутанскому нарѣчію, какъ новословенскому, старословенское, т. е. церковное; отсюда совершенно логически, съ его точки зрѣнія, отмѣчаются и всѣ сочиненія по послѣднему термину: *altslovenische sprache, altslovenisches dialekt*. Но г. Буслаевъ, о тождествленіи церковно-славянскаго языка съ древнеболгарскимъ, какъ видѣли сейчасъ, даетъ самое положительное свидѣтельство несогласія своего съ выводами, въ этомъ случаѣ, Копитара и Миклошича, а потому и выраженіе его *новословенскій* приходится понимать единственно какъ соответствующее старо-хорутанскому, отличному отъ церковно-славянскаго. Но въ такомъ случаѣ не видимъ рѣшительно ни повода, ни причины отступать отъ обыкновеннаго

въ исторической грамматикѣ способа опредѣлять и нарѣчіе хорутанское такъ же общимъ названіемъ, какъ опредѣляются въ ней нарѣчія *чешское, польское, мужицкое* и т. д. Какъ видно, г. Буслаевъ ~~подъ~~ ~~первой~~ ~~частью~~ ~~грамматики~~ самъ понялъ не точность своего термина, и съ 181 страницы уже ни разу не употребилъ его безъ объяснительнаго *кранискій*.

Изъ остальной части введенія я позволю себѣ сдѣлать только два замѣчанія. Первое изъ нихъ касается взгляда автора на какое-то искусственное отношеніе русскаго просторѣчія къ письменному языку церковно-славянскому. На стр. 13, § 9, по поводу различнаго спряженія глагола хотѣть въ книжномъ русскомъ языкѣ (удержавшемъ во множественномъ числѣ настоящаго времени формы хотимъ, хотите) и въ простонародномъ, г. Буслаевъ говоритъ: «просторѣчіе приняло за основаніе церковно-славянскія формы, и, переложивъ, по свойству русскаго языка, церковно-славянское *щ* на *ч*, составило формы *хочемъ, хочете*, въ согласіе съ церковно-славянскими: *хощемъ, хотите*, и съ формами единственнаго числа: *хочешь, хочеть*, проспрягавшимися по 1-му спряженію, какъ и *хочемъ — хочемъ, хотите — хочете*». Едва ли серьезно и самъ авторъ согласится допустить охоту и возможность въ русскомъ простонародѣ къ такимъ филологическимъ справкамъ съ языкомъ церковнымъ. Для образованія формъ *хочемъ, хочете* ему достаточно было и до историческаго, общеславянскаго ихъ развитія; ужъ если охота кого-либо обвинять въ особой формѣ для 1-го и 2-го лицъ множественнаго числа, то гораздо прямѣе книжный языкъ, дѣйствительно образовавшій свои формы *хотимъ, хотите* подъ вліяніемъ 3-го лица, какъ говоръ простонародный перешелъ отъ того же лица (*хотятъ*) и къ единственному числу, произнося 2-е и 3-е лицо его не рѣдко въ формѣ *хотишь, хотить*. Церковно-славянскія же формы *хощемъ, хотите*, равно и русское *хочемъ, хочете*, какъ древнѣйшія, принадлежали и принадлежатъ всѣмъ нарѣчіямъ славянскимъ: польское *chseму, chsesie*, чешс. *chsete*,

chcete, сербское оѣмо, оѣете и т. д., гдѣ точно также въ первыхъ с (= ы), а въ послѣднемъ ѣ соответствуетъ церковно-славянскому ѿ изъ т, какъ и русское ч, и никто, разумѣется, не рѣшится объяснять ихъ принятіемъ за основаніе церковно-славянской формы. Причина двойственности формъ заключается въ способности этого глагола, объявившейся съ незапамятныхъ поръ, наравнѣ съ нѣкоторыми другими, переходить въ спряженіи изъ одного класса въ другой; въ глубокой древности этой особенности при глаголѣ хотѣти убѣждаетъ присутствіе ея и въ остальныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ (срав. Šafařík, Počatk. star. české mluvn. Uýbor ze staročes. literatury, 1845, стр. 108). На стр. 196, г. Буслаевъ вполне основательно отчисляетъ и глаголъ хотѣть, вмѣстѣ съ бѣжать и спать, къ глаголамъ разноспрягаемымъ.

Желая показать важность славянскихъ нарѣчій при уясненіи двойственного числа, г. Буслаевъ (стр. 22, прим. 2), на ряду съ лужицкимъ и новословенскимъ, приводитъ и чешское, какъ *особенно* сохранившее двойственное число. Тоже самое повторено и на стр. 181, прим. 8, хотя и безъ слова *особенно*; тутъ указаны и примѣры двойственного числа въ чешскомъ: біевѣ, біета. Всего легче было бы приписать такой промахъ недосмотру, еслибы онъ не былъ повторенъ дважды и притомъ безъ усиленія *особенно*, даже сравнительно съ лужицкимъ и хорутанскимъ. Не имѣлъ ли въ виду г. Буслаевъ старочешскаго нарѣчія? Но въ такомъ случаѣ ему не слѣдовало бы забывать всѣхъ остальныхъ нарѣчій, не исключая и русскаго, даже и польскаго; что же касается новаго чешскаго нарѣчія, то оно не только не *особенно* сохранило двойственное число, но ни чѣмъ не больше даже отечественнаго языка, за исключеніемъ сущ. гисе, гикон, гикаша, осі, осіша и очень уже рѣдко позе.

Въ главѣ первой, трактующей о звукахъ и соответствующихъ имъ буквахъ, г. Буслаевъ представилъ богатство материала доселѣ еще не виданное и въ ученыхъ обслѣдованіяхъ языка отечественнаго. Надолго останется образцовымъ и рас-

предѣленіе этого матеріала, а равно и объясненіе многихъ звуковыхъ явленій, какъ въ языкѣ литературномъ, такъ и въ говорахъ народныхъ. Вообще, послѣдняя сторона, говоры народные, нашла самую благодарную почву въ исторической грамматикѣ, и второе изданіе ея, въ этомъ отношеніи, стоитъ замѣтно выше перваго.

Но да не посѣтуесть на насъ г. Буслаевъ, если мы выскажемся откровенно, что и отдѣлъ о звукахъ не чуждъ недостатковъ, бросающихся тѣмъ рѣзче въ глаза, чѣмъ основательнѣе и остроумнѣе рядомъ съ ними находятся толкованія и выводы, свидѣтельствующіе ознакомствѣ автора съ предметомъ и объ уменьѣ давать богатымъ свѣдѣніямъ надлежащія видъ и мѣсто. Подобная несоотвѣтственность больше всего поражаетъ именно въ этомъ отдѣлѣ; а въ немъ-то, какъ, надѣмся, согласится и самъ авторъ, требовательнѣе всего точность, обдуманность и соразимѣрность. Фонетическая сторона, до сихъ поръ почти не обращавшая на себя вниманія, именно тѣмъ и важна, что служить фундаментомъ для остальныхъ отдѣловъ первой части, словообразованія и словоизмѣненія; недосказанное въ ней или упомянутое слегка неминуемо отразится на неясности во многомъ, а кое-гдѣ и на положительно превратномъ пониманіи того и другаго. Между тѣмъ, случаевъ не мало, гдѣ встрѣчается не досказанность въ изложеніи звуковыхъ законовъ и опущенность объясненій при такихъ явленіяхъ, на которыхъ опираются важнѣйшія свойства словообразованія. Въ самомъ дѣлѣ, г. Буслаевъ не рѣдко опредѣляетъ звуковыя передвиженія обычными въ былые годы *вставками* и *благозвучіемъ* и другими подобной цѣны терминами, что такъ рѣзко противорѣчитъ его общему направленію — вскрывать, по возможности, и уяснять, на прочныхъ началахъ сравнительной грамматики, непонятные на первый взглядъ законы звуковыхъ переходовъ въ языкѣ отечественномъ.

Такъ, на стр. 29, читаемъ: звуки *е* и *о* вставляются; напр. брать — беру, гнать — гоню; путешествіе, водопадъ.